

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПЕРВОБЫТНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В. М. Бахта

История первобытного общества — один из интереснейших и сложнейших участков исторической науки. Ее теоретические основы разработаны в ряде работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В настоящее время неизмеримо возросло и продолжает возрастать число фактов, которыми располагают историки первобытного общества. Но идеи, развитые основоположниками марксизма-ленинизма, по-прежнему составляют незыблемый теоретический фундамент всех исследований в этой области истории. Именно благодаря твердому и неуклонному следованию принципам исторического материализма советские ученые оказались в авангарде мировой науки о первобытном обществе.

Однако в области первобытной истории до сих пор немало нерешенных еще вопросов. Спорно толкование многих недавно введенных в научный оборот фактов. Имеются также различные точки зрения по ряду важных проблем истории первобытного общества. В настоящей статье мы остановимся на двух проблемах такого рода, окончательное решение которых затрудняется, как нам кажется, вследствие недостаточного внимания отдельных исследователей к теории марксизма.

Первая проблема — проблема перехода от обезьяны к человеку. Еще недавно казалось, что в советской исторической науке твердо установилось представление о труде, как о критерии, позволяющем провести четкую грань между животным миром и человеческим обществом. В основе этого представления лежат высказывания Ф. Энгельса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Опираясь на эту теорию и анализируя новые факты о начальных этапах человеческой истории, советские ученые создали стройную систему взглядов, которая рассматривает начальные этапы человеческой истории как эпоху становления и формирования человека и общества. Однако в 1955 г. Б. Ф. Поршнев попытался (первая попытка такого рода была сделана лет двадцать пять тому назад М. П. Жаквым) опровергнуть принятое большинством советских ученых понимание роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Отрицая существование производства и общества у питекантропов, синантропов и ранних форм неандертальцев, Б. Ф. Поршнев отнес их к числу представителей животного мира¹. Статья Б. Ф. Поршнева вызвала оживленную дискуссию. Несмотря на резкую и обстоятельную критику его концепции и антропологами, и археологами, и этнографами, и философами, Б. Ф. Поршнев продолжал развивать и защищать свои воззрения в последующих статьях². Большая часть советских историков первобытного

¹ Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии», 1955, № 5.

² Б. Ф. Поршнев. Еще к вопросу о становлении человека. «Советская антропология», 1957, № 2; его же. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества. «Вопросы истории», 1958, № 2; его же. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2.

общества высказалась против концепции Б. Ф. Поршнева³. Некоторые же участники дискуссии заняли как бы промежуточную позицию — одни признали существование «животного труда» (то есть труда у животных. — В. Б.)⁴, другие отрицали наличие формирующегося производства в период становления человеческого общества⁵.

Вторая большая проблема — проблема земледельческого производства. В нашей этнографической и отчасти археологической литературе материальная культура, практически сводимая для более ранних эпох истории к технике (так как ничего иного не сохранилось), очень часто рассматривается отдельно от хозяйства. Но такой «традиционный» порядок исследования не отражает экономической структуры производства, которое представляется в этом случае сложной совокупностью разнообразных по цели, но равнозначных по своему экономическому значению производственных процессов. При таком методе исследования в значительной мере теряется представление и о качественной разнице между присваивающим и производящим типами хозяйства, различия, на которое в свое время обращали особое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс⁶. Охота, земледелие, собирательство, скотоводство, рыболовство, различные ремесла и т. д. — все эти формы хозяйства неизбежно выступают в данном случае отличными друг от друга по сложности, но не по своему экономическому качеству. Характерным примером исследования, в котором материал излагается в строго традиционной последовательности, служит книга М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры», где за главой «Развитие техники» следуют две главы «Развитие хозяйства». Несмотря на богатство изложенного в них материала, «Очеркам» присущ, по нашему мнению, один недостаток: за пестрой эволюцией различных форм и элементов человеческой культуры теряется представление об экономическом механизме этой эволюции. Как, например, объясняет М. О. Косвен, тот факт, что именно земледелие оказало столь необычайное воздействие на развитие общественного производства и общества в целом? «...Земледелие, — пишет он, — стало давать новый, постоянный и сравнительно легко добываемый вид сытной пищи. Есте-

³ Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы происхождения человека. «Советская этнография». 1956, № 4; его же. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза. «Вопросы философии». 1957, № 2; А. П. Окладников и П. И. Борисковский. О времени и условиях становления человеческого общества. «Вопросы истории». 1956, № 11; О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества. «Советская археология». 1957, № 1; В. С. Сорокин. Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества. «Советская этнография». 1958, № 1; Г. Ф. Хрустов. Категория скачка и проблема становления человеческого общества. «Советская этнография». 1958, № 1; А. П. Окладников. Становление человека и общества. Сборник «Проблемы развития в природе и обществе». М.-Л. 1958; А. И. Першиц, Г. Ф. Хрустов. К проблеме возникновения общества и культуры. «Вестник истории мировой культуры». 1959, № 5.

⁴ Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). «Ученые записки» Красноярского государственного педагогического института. Т. 6, вып. 2, 1956; его же. К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества. «Советская археология». 1958, № 4. Критику точки зрения Ю. И. Семенова см.: М. Я. Ковальзон, Г. Ф. Хрустов. Сборник работ красноярских философов. «Вопросы философии». 1957, № 5; Г. Ф. Хрустов. О возникновении материального производства. «Вопросы философии». 1960, № 3.

⁵ А. Н. Чулков. Господствующие и направляющие факторы в развитии предков человека. «Вестник ЛГУ». 1958, № 17; его же. Соотношение биологических и социальных факторов в период становления человека. Л. 1959 (автореферат диссертации). Критику точки зрения А. Н. Чулкова см.: Г. Ф. Хрустов. Против вульгаризации марксистской науки о происхождении человека и общества. «Советская антропология». 1960, вып. 2.

⁶ См. К. Маркс. К критике политической экономии. М. 1953, стр. 220; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1953, стр. 26.

ственно, что этому способу добычи средств существования суждено было интенсивно развиваться, оттесняя на второй и еще более далекий план «собирачество, охоту и рыболовство»⁷. Здесь М. О. Косвен исходит из чисто «потребительской» оценки земледелия. Несостоятельность такой оценки видна уже из того, что этнография знает немало примеров, когда неземледельческое хозяйство также обеспечивало людей «постоянным и сравнительно легко добываемым видом сытной пищи». Примером этого служат хозяйства племен — собирателей урожая, индейцев-рыболовов северо-запада Северной Америки. Если же говорить в более широком плане, то следует подчеркнуть, что всякий установившийся хозяйственный цикл, будь то собирачество, охота или рыболовство, обеспечивает людей известным минимумом пищи. Если бы дело обстояло иначе, человечество, может быть, и не дожило бы до появления земледелия. К тому же, оценивая земледелие только по получаемому продукту, можно и не заметить качественной экономической разницы между земледелием и собирачеством, особенно если сравнивать с собирачеством земледелие на его начальных ступенях: в обоих случаях получаемый продукт один и тот же⁸.

Объяснение той революции в производстве, которая была вызвана появлением земледелия, правильнее искать в экономическом анализе самого земледельческого хозяйства.

Как нам представляется, недооценка некоторыми советскими историками и этнографами важности экономического анализа земледельческого хозяйства и существенные различия в их взглядах на происхождение человека имеют одну и ту же причину. Дело в том, что богатейшее теоретическое наследие, оставленное классиками марксизма-ленинизма, используется историками первобытного общества, на наш взгляд, далеко не равномерно. Исследованием форм семьи и рода, процесса разложения родового строя и возникновения частной собственности и государства наши ученые занимались довольно много, в то время как вопросы производства, становления и дальнейшей эволюции производительных сил, их исторического развития и внутренней структуры, проблемы роста, расширения и усложнения производства, начиная с эпохи нижнего палеолита вплоть до образования классов, изучались ими в гораздо меньшей степени.

Недостаточная разработанность этих и смежных с ними вопросов объясняется, возможно, тем, что «живой производственный процесс» в первобытном обществе исследуется в основном этнографами, которые сосредоточивают свое внимание на характеристике этнических форм хозяйства и материальной культуры изучаемых ими племен или народов, оставляя в стороне экономический анализ производства в доклассовом обществе. В то же время экономисты рассматривают преимущественно производство классовых обществ. Так или иначе, но если «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса постоянно находится в центре внимания этнографов и историков первобытного общества, то «Капитал» К. Маркса используется ими в меньшей степени. Между тем в гениальной работе Ф. Энгельса изложению теории первобытного производства отводится сравнительно небольшое место. Сжато излагая в девятой главе свой взгляд на историю первобытного производства, Ф. Энгельс, естественно, сосредоточил свое внимание на определении последовательных этапов его развития. Каждый из этих

⁷ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М. 1957, стр. 69.

⁸ Экономическая разница между земледелием (l'agriculture) и собиранием плодов (les fruits spontanés de la terre) была подмечена французским политэкономом Ш. Ганвилем (см. Ch. Ganiilh. La Théorie de l'économie politique, fondée sur les faits résultants des statistiques de la France et de l'Angleterre. T. I. Paris. 1815, p. 257), что и было отмечено К. Марксом (см. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 186).

этапов он выделяет по степени разделения труда в обществе. На наиболее раннем этапе его развития «разделение труда,— по его словам,— чисто естественного происхождения»⁹. Далее Ф. Энгельс показывает, как расширение сферы общественного производства приводит сначала к первому, а затем ко второму крупному общественному разделению труда и как продолжавшее развиваться разделение труда разрушает родовой строй. Иначе говоря, именно процесс разделения труда служит ключом к пониманию эволюции первобытного производства.

Существует глубочайшая органическая внутренняя связь между приведенными выше положениями Ф. Энгельса о конкретном развитии разделения труда и его роли в падении первобытно-общинного строя и тем пониманием генезиса разделения труда в обществе, которое К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали в других своих работах. Мысль о том, что развитие производительных сил проявляется прежде всего в разделении труда, была высказана К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии». «Уровень развития производительных сил нации,— писали они,— обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда»¹⁰. Позже К. Маркс в «Капитале» уже с исчерпывающей полнотой выявил значение разделения труда в истории производства. И хотя для К. Маркса докапиталистические формы разделения труда не были непосредственным предметом исследования, тем не менее историческая последовательность их появления и существования определена им с достаточной ясностью. «Разделение труда внутри общества,— указывал Маркс,— ...имеет... две противоположные исходные точки развития». С одной стороны, с начала развития производства возникает естественное разделение труда внутри человеческого коллектива «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве», с другой,— «различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»¹¹.

Таким образом, естественные предпосылки для разделения труда имеются как внутри первобытных человеческих коллективов, так и между ними. В соответствии с этим разделение труда устанавливается как внутри первобытных общин, так и между этими общинами. Обе тенденции в развитии разделения труда идут рука об руку, но в различные исторические периоды преобладающее значение получает то одна, то другая. На заре человеческой истории, когда отдельные первобытные человеческие коллективы были еще в известной мере замкнутыми и разобщенными, преобладала первая тенденция. Разделение труда внутри общины между людьми различного пола и возраста только еще оформлялось и конституировалось. Это был период становления внутриобщинных форм разделения труда на основе физиологических различий между членами первобытной общины, и только признав его существование, можно понять позднейший ход развития разделения труда. Второй период — это время возникновения постоянных или, во всяком случае, регулярных в течение длительного срока контактов между общинами, период становления и развития межобщинных форм разделения труда, основанных на естественных территориальных различиях районов обитания племен. Межобщинное разделение труда осуществлялось прежде всего в форме межплеменного обмена, принимая порой, как это пока-

⁹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 164.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, 2-е изд., стр. 20.

¹¹ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 359.

зывает австралийская этнография, значительные масштабы. Достаточно сказать, что до европейской колонизации межплеменные пути обмена схватывали весь австралийский континент. Хотя в то время постепенно развивалось и внутриобщинное разделение труда (появились мастера, преимущественно старики, изготавливавшие орудия труда и некоторые другие изделия), межобщинное разделение труда шло быстрее.

Анализируя процесс развития производства в Европе и Азии, Ф. Энгельс пришел к выводу, что тенденция к межобщинному разделению труда реализовалась в конечном счете в первом крупном общественном разделении труда — в выделении скотоводческих племен из остальной массы племен и в установлении постоянного обмена продуктами производства между первыми и вторыми. Обычно исследователи подчеркивают форму этого разделения труда — выделение скотоводческих племен, оставляя без внимания содержание данного процесса, а именно, что первое крупное общественное разделение труда было межобщинным разделением труда. Если по своему содержанию оно являлось всемирно-историческим процессом, то конкретные формы реализации его отнюдь не исчерпывались формой, которая оказалась решающей и ведущей для населения Евразии. Специфика природных условий сделала невозможным выделение скотоводческих племен в Америке и Океании. Естественно, что тенденция к межобщинному разделению труда проявлялась в этих районах в совершенно иных, отличных от евразийской формах¹².

Дальнейшее развитие общественного производства происходило в условиях нарастающего преобладания тенденции к внутриобщинному разделению труда. Последняя в отличие от тенденции к межобщинному разделению труда повсюду реализовывалась в форме отделения ремесла от земледелия. Однако в разных обществах ведущее место в этом всемирном процессе занимали различные ремесла. Развитие указанной тенденции в конце концов привело ко второму крупному общественному разделению труда, взорвав первобытную общину изнутри, окончательно разрушив социально-экономический фундамент родового строя. Наступила эпоха классовых обществ, исследование специфики которых выходит за рамки данной статьи.

Такова в главных чертах картина развития разделения труда в первобытном обществе, нарисованная в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому-то, излагая в девятой главе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» квинтэссенцию теории первобытного производства, Ф. Энгельс прямо ссылался на К. Маркса. «Здесь, — писал он, — «Капитал» Маркса будет столь же необходим, как и книга Моргана»¹³. Без этой ссылки было бы непонятно, почему Ф. Энгельс говорит в девятой главе главным образом об этапах разделения труда, то есть результатах развития общественного производства, не рассматривая подробно, какими путями достигались перечисленные им результаты. Но в том-то и дело, что содержание процесса развития общественного производства уже было к тому времени изложено в «Капитале». «Экономические эпохи, — указывал Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹⁴.

Отсюда ясно, что, изучая степень развития общественного производства, следует сосредоточить внимание в первую очередь на той сфере общественного производства, которая связана с производством орудий и средств труда, то есть на первом подразделении общественного произ-

¹² См., например, Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. Сборник «Проблемы истории первобытного общества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. LIV. М.-Л. 1960, стр. 145.

¹³ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 163.

¹⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 187.

водства. По существу, лишь развитие этого последнего определяет уровень производства в целом, и только в развитии производства средств производства заключена возможность разделения труда, а значит, и обмена.

Правомерно ли, однако, различать первое и второе подразделения общественного производства уже в доклассовом обществе? Не так давно на страницах нашей печати была высказана противоположная точка зрения. Д. Д. Тумаркин, критикуя метод исследования, к которому прибегнул автор одной из статей «Океанийского этнографического сборника», последовательно рассматривавший а) производительные силы папуасов Новой Гвинеи в сфере производства средств производства и б) производительные силы в сфере производства средств потребления, писал: «Как известно, важнейшей производительной силой являются люди, производящие материальные блага. У папуасов залива Астролябия в силу неразвитости производительных сил и почти полного отсутствия общественного разделения труда одни и те же лица изготовляли орудия труда, обрабатывали землю, ловили рыбу и т. д., т. е. были заняты как в сфере производства средств производства, так и в сфере производства предметов потребления. Ввиду этого нам представляется искусственным деление производительных сил астролябцев на две самостоятельные группы. Такое деление, на наш взгляд, может быть применимо лишь в отношении формаций с далеко зашедшим общественным разделением труда»¹⁵.

Д. Д. Тумаркин, видимо, исходит из того, что К. Маркс различал два подразделения общественного производства при анализе процесса воспроизводства в капиталистическом обществе. Однако вот что писал К. Маркс: «Весь продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения:

I. Средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в производительное потребление.

II. Предметы потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом — предметов потребления»¹⁶.

Основанием для деления общественного совокупного продукта на две части служит здесь характер последующего его потребления (пойдет ли данный продукт в производительное или же в индивидуальное потребление). Иначе говоря, основанием для отнесения продукта к той или иной категории служит его дальнейшая экономическая роль в процессе общественного воспроизводства. Любой общественно-экономической формации свойственно общественное воспроизводство, а совокупный общественный продукт, на какой бы ступени исторического развития ни находились его производители, всегда распадается на две части: на средства производства и предметы потребления. Здесь уместно вспомнить следующее место из «Введения» к «Критике политической экономии» К. Маркса: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (Glieder-

¹⁵ Д. Д. Тумаркин. Рецензия на «Океанийский этнографический сборник». «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXXVIII. М. 1957. «Советская этнография». 1959, № 1, стр. 202.

¹⁶ К. Маркс. Капитал. Т. II. Госполитиздат. 1955, стр. 395.

gung), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»¹⁷.

Деление всего совокупного продукта, а следовательно, и общественного производства на два подразделения имеет, конечно, свою специфику в каждой общественно-экономической формации. Так, в первобытном обществе, где общественное разделение труда внутри общины только намечалось, сфера производства средств производства еще не отделилась от сферы производства средств потребления в том смысле, что и средства производства и средства потребления действительно производят в основном одни и те же люди. Но помимо этой исторически конкретной специфики, деление совокупного продукта и производства на две части имеет всеобщее значение. «Есть определения — писал К. Маркс в том же «Введении», — общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие...»¹⁸.

К числу таких определений, несомненно, принадлежит и то, согласно которому весь продукт и производство общества распадается на два подразделения¹⁹. Пока исследователи придерживаются этого определения как общего всем ступеням производства, вопрос о том, кто и с помощью каких средств труда изготавливает совокупный общественный продукт, не имеет значения: именно в этом и заключается «всеобщность» рассматриваемого определения. Но сами по себе «так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя»²⁰.

Как только историк касается названного выше вопроса, он тотчас же переходит от абстрактного к конкретно-историческому, ибо производства различных общественно-экономических формаций как раз и отличаются друг от друга прежде всего тем, кто и с помощью каких средств труда осуществляет общественное производство. Тот конкретно-исторический факт, на который ссылается Д. Д. Тумаркин и который тысячи раз зарегистрирован путешественниками, этнографами, миссионерами и служащими колониальной администрации, что в доклассовых обществах с неразвитым разделением труда одни и те же люди производят как средства производства, так и предметы потребления, отнюдь не говорит об отсутствии в доклассовом обществе деления совокупного общественного продукта на два больших подразделения. Такой вывод можно было бы сделать лишь при условии потребления продуктов труда в доклассовом обществе одновременно и равным образом

¹⁷ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 218—219.

¹⁸ Там же, стр. 199.

¹⁹ К. Маркс указывал, что «у дикаря он (избыточный труд.— В. Б.) выступает как труд, непосредственно направленный на производство средств производства» (см. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 864). И несколько ниже сказано: «...раз дано общественное производство какого бы то ни было рода (напр. примитивная индийская община или более искусственно развившийся коммунизм перуанцев), то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и их ждженцев [Angehörige] и,— оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление,— другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей» (там же, стр. 891); см. также К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1953, стр. 208. Письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868 года.

²⁰ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 199.

и в качестве средств труда и в качестве предметов потребления. И хотя у папуасов и меланезийцев Новой Гвинеи действительно одни и те же люди изготовляли и орудия, и средства труда, и предметы потребления, тем не менее первые (орудия и средства труда) играли в своей совокупности совсем иную экономическую роль в общественном воспроизводстве, нежели последние (предметы потребления).

Невнимание к структуре первобытного производства, к наличию в нем как производства средств производства, так и производства средств потребления, по нашему мнению, затрудняет и понимание того, почему именно земледелие дало столь необычайный толчок развитию общественного производства и общества в целом. В чем экономический секрет этого толчка? Суть дела состоит, как нам кажется, в том, что по своему производственно-экономическому содержанию цикл земледельческих работ распадается на две стадии: на обработку земли (производство средств производства) и на выращивание сельскохозяйственных культур (производство средств потребления). Отсюда следует, что земледелие — и в этом его всемирно-историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю как средство труда в земледелии.

И палеолитический и раннеолитический человек, а равным образом и современные слаборазвитые племена, еще не освоившие земледелия, искусственно изготовляли (кроме предметов потребления) только орудия и огонь. Всем этим племенам прошлого и настоящего для осуществления процесса воспроизводства был достаточен тот несложный инвентарь, которым они располагали. В земледельческой практике человечество впервые столкнулось с необходимостью искусственного изготовления совершенно иного, ничем не похожего на прежде известные орудия труда средства производства. С производственной точки зрения новым в земледелии является именно производство земли, как средства труда в земледелии. Получаемый же продукт по существу своему у земледельцев тот же, что и у собирателей. В самом деле, конечной целью всякого земледелия является получение растительной пищи. Но ведь употребление последней не менее широко было распространено и у доземледельческих народов. При этом они употребляли в пищу, как правило, те же съедобные части растений, что и народы-земледельцы. Австралийцы, например, используют для своих нужд, главным образом для еды, семена, плоды, корни, корневища, клубни, листья и другие части десятков различных растений²¹. Подробный перечень растений, составлявших пищу аборигенов Австралии и Тасмании, опубликовал в 1957 г. Ф. Р. Ирвин²². Но нас в данном случае интересует другой момент: среди десятков различных растений, употребляемых австралийцами в пищу, можно выделить немногие растения, которые преимущественно служат источником растительной пищи туземцев. Например, корни растения «*mungang*» в сыром виде и приготовленные на огне служили летом основным продуктом питания для аборигенов Западной Виктории²³. В это же время года они собирали в больших количествах смолу акации, для чего на коре деревьев делали специальные надрезы. Корни другого вьющегося растения, «*taaguk*», были их «главной растительной пищей» зимой. У группы описанных Даусоном аборигенов было еще пять-шесть растений, имевших меньшее значение в их пищевом рационе. Что же касается множества других растений, плоды, клубни, ягоды, корневища и листья которых также годятся и употреб-

²¹ См. J. Dawson. *Australian Aborigines*. Melbourn. 1881, p. 19—22; W. S. Chaseling. *Julengor, nomads of Arnhem Land*. London. 1957, p. 42—46.

²² См. F. R. Irvine. *Wild and emergency foods of Australian and Tasmanian Aborigines*. «*Oceania*». Т. 28, № 2, 1957.

²³ Даусон отмечает, что приготовление «*mungang*» составляет значительную часть труда женщины. J. Dawson. Указ. соч., стр. 20—21.

ляются в пищу, то они привлекали гораздо меньшее внимание аборигенов и лишь от случая к случаю дополняли основной рацион их питания.

Еще более показателен в этом отношении пример аборигенов Арnhemленда (Северная Австралия). Животная пища составляет лишь небольшую часть их диеты²⁴. Казалось бы, в этих условиях многообразие употребляемых в пищу растений должно быть особенно велико. Однако и здесь четко определяются те немногие виды растений, которые служат источником пищи людей. Описывая растительную пищу племени юленгор, Чеселинг называет в качестве основных два вида ямса, по одному виду папоротника и тростника, плоды пальмы *Sucas*²⁵. Томсон к наиболее важным пищевым растениям аборигенов восточного Арnhemленда относит лишь два вида ямса и плоды пальмы *Sucas*²⁶. Указанные авторы отмечают, что большая часть растительной пищи собирается лишь от случая к случаю. Сходную картину описывает Меггит относительно диеты вальбири — одного из племен Центральной Австралии²⁷. Здесь также нетрудно выделить виды растительной пищи, предпочитаемой аборигенами, хотя у них разница между главными и второстепенными ее видами менее резка, по-видимому, из-за особенно неблагоприятных условий существования вальбири.

Возможно все же, что различие между собирательскими племенами юленгор и вальбири объясняется не только несходством ландшафта и климата в местах их обитания. Далеко не все народы, у которых собирательство составляет одну из основных отраслей их хозяйства, находятся на одном и том же уровне экономического развития. Этот известный в этнографии факт в течение многих лет изучался прогрессивным немецким этнографом Ю. Липсом, который начиная с 1928 г.²⁸ опубликовал результаты своих исследований в ряде работ. От собственно собирателей, к которым он причислял сохранившиеся еще кое-где изолированные племена пигмеев Африки, ванда, кубу, семангов и сеноев, южноамериканские племена жез, бушменов и некоторые племена Австралии, Ю. Липс отличал народы, перешедшие от беспорядочного и вынуждаемого угрозой голода собирания всего съедобного, что только попадалось на глаза, к планомерному (*planmäßig*) сбору урожая определенных дикорастущих съедобных растений. Ю. Липс назвал такие народы «народами — собирателями урожая» (*die Erntevölker*). «Их способ добывания пищи, — писал он, — основывался на собирании урожая одного или немногих дикорастущих растительных видов, которые служили им основным средством питания в течение всего года»²⁹. При этом, чем больше тот или иной народ, имевший хозяйство указанного типа, был обязан своим существованием урожаю определенного растительного вида, тем в большей мере данное обстоятельство отражалось на всем его жизненном укладе и миропонимании, тем значительнее и многочисленнее оказывались черты, отличавшие такой народ от «классических» собирателей. Анализ всех рассматриваемых черт склонил Ю. Липса к убеждению, что народы — собиратели урожая представляют собою «звено между собирателями и охотниками, с одной стороны, и

²⁴ D. Thomson. *Exploration among an Unknown People (Arnhem Land)*. «Geographical Journal». Т. СХII—СХIV. 1948—1949; W. S. Chaseling. Указ. соч., стр. 42; А. Н. Максимов. Накануне земледелия. «Ученые записки» Института истории РАН ИОН. Т. III. М. 1929, стр. 22—23.

²⁵ W. S. Chaseling. Указ. соч., стр. 43—44.

²⁶ D. Thomson. Указ. соч., стр. 42.

²⁷ M. J. Meggit. *Notes of the Vegetable Foods of the Walbiri of Central Australia*. «Oceania». Т. 28, № 2, 1957, p. 143—145.

²⁸ J. Lips. *Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker*. «Festschrift für P. W. Schmidt». Wien. 1928.

²⁹ J. Lips. *Die Erntevölker*. «eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft». Berlin. 1953, S. 11.

племенами — носителями производящего хозяйства (Productionswirtschaft) — с другой»³⁰.

Взгляды Ю. Липса еще не нашли всеобщего признания. Тем не менее наличие существенного экономического различия между разными типами собирательства — факт несомненный³¹. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с экономикой североамериканских индейцев — собирателей дикого болотного риса; их культура, быт и хозяйственный цикл хорошо известны благодаря работам А. Йенкса, Ф. Книсинга, Ю. и Е. Липсов и других этнографов.

Семена дикого болотного риса (*Zizania acvatica*), обширные заросли которого встречаются в области Великих озер, собирались индейцами в огромных количествах и служили им обильной пищей в течение всего года³². Перечислим ряд черт, сближающих хозяйственный уклад индейцев — собирателей дикого болотного риса с хозяйственным укладом примитивных земледельцев: относительная оседлость при довольно значительной плотности населения³³; комплекс специализированных средств труда для сбора урожая и его обработки³⁴; развитая система хранения собранного урожая³⁵; наличие строго соблюдаемых обычаев землепользования и лиц, следящих за выполнением таких обычаев³⁶; уход за растениями и охрана их³⁷; сравнительная сложность общественной жизни³⁸. Таким образом, есть основания считать хозяйственные уклады специализированных собирателей и примитивных земледельцев во многом близкими друг другу. Это обстоятельство и привело Ю. Липса к заключению, что народы — собиратели урожая и есть «недостающее звено» между собственно собирателями и земледельцами.

Итак, там, где собирательство в значительной степени специализировано, мы сталкиваемся с теми же в своей основе явлениями производственной и общественной жизни, какие находим и у примитивных земледельцев. Но есть одно обстоятельство, один производственный процесс, который характерен только для земледельцев, — это обработка земли. Даже у весьма специализированных групп собирателей, вроде маринд-аним Новой Гвинеи или индейцев — собирателей болотного риса, земля выступает в качестве естественного, данного им природой средства производства. И, наоборот, даже у самых примитивных земледельцев

³⁰ Там же.

³¹ А. Н. Максимов еще раньше отмечал, что калифорнийские индейцы в отличие от австралийцев являются представителями «высшей стадии собирательства» (А. Н. Максимов. Указ. соч., стр. 25).

³² F. M. Keesing. The Menomini Indians of Wisconsin. Philadelphia. 1939, p. 22.

³³ J. Lips. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 17.

³⁴ A. E. Jenks. The Wild Rice Gatherers of the Upper Lakes. «The Nineteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution 1897—1898 by J. W. Powell» P. 2. Washington. 1900, p. 1056—1072; E. Lips. Die Reisernte der Ojibwa-Indianer Berlin. 1956, S. 82—105. Ср также описание приготовления саго у папуасов племени маринд — собирателей саго Новой Гвинеи. (P. Wirz. Die Marind-anim von Holländisch Süd-Neu-Guinea. T. I. Hamburg. 1922, S. 88—91).

³⁵ А. Е. Йенкс. Указ. соч., стр. 1071—1072.

³⁶ Там же, стр. 1072—1073; J. Lips. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 13—15

³⁷ А. Е. Йенкс. Указ. соч., стр. 1057—1061. Следует подчеркнуть, что Йенкс сообщает даже о случаях сева болотного риса ассинибойнами и оджибве (там же, стр. 1057—1058). Ср. сообщение Линг-Рота, со слов А. Грегори, о посадке дикого ямса аборигенами западного побережья Австралии (H. Ling-Roth. On the Origin of Agriculture. «The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». T. XVI, № 2(57). 1886, p. 120, 131).

³⁸ А. Е. Йенкс. Указ. соч., стр. 1089—1100; J. Lips. Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker; его же. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 17; E. Lips. Указ. соч., стр. 3—4 сл.

почва как средство труда создана человеком с помощью орудий труда. Описания тяжелого и длительного процесса обработки земли, требующего напряжения и объединения усилий всех трудоспособных членов общины, содержатся в работах Н. Н. Миклухо-Маклая, Фицедома, Меггит³⁹ (в отношении народов Новой Гвинеи) и других исследователей.

Здесь важно подчеркнуть, что именно обработка земли как средства труда в земледелии открыла невиданные возможности для производства средств питания. Что касается дальнейших земледельческих работ (второй части земледельческого цикла), то их эффективность целиком зависела от качества обработки земли. Знаменательно то, что прогресс в земледелии прежде всего был следствием развития и усовершенствования орудий обработки земли (палка → мотыга → рало → плуг и т. д.). Тот бессознательный искусственный отбор, производившийся в течение тысячелетий сначала земледельцем неолита, а затем земледельцем бронзового и железного веков и приведший в конце концов к созданию основных видов культурных растений, стал возможен только благодаря возделыванию почвы. Обработка земли как средства труда в земледелии была главным из факторов, совокупность которых создавала максимально благоприятные условия для произрастания культивируемых растений. Каждый знает, как быстро дичают культурные растения, случайно попавшие в естественные условия. Собирательство, даже в его наиболее совершенных и специализированных формах лишь максимально способствует сохранению того или иного дикорастущего вида, тогда как обработка земли служит предпосылкой для изменения культивируемого вида в сторону увеличения его урожайности и максимального улучшения полезных человеку свойств. К тому же, что очень важно, умение обрабатывать землю дает возможность значительно расширить производство средств питания.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что земледелие как отрасль производства есть сложный производственный комплекс, включающий как производство средств производства, так и производство средств потребления⁴⁰.

Если учесть, что в каждом конкретном обществе неолитических земледельцев, помимо обработки земли, существовало производство разнообразных орудий (каменных топоров, копий, луков и стрел и т. п.) и иных средств труда, то вывод о необходимости различать два подразделения в общественном производстве первобытного общества станет очевидным. Хотя в производстве средств производства и в производстве предметов потребления участвуют одни и те же люди, это не меняет экономической сущности дела. Только при таком подходе к исследованию общества неолитических земледельцев становятся понятными колоссальные потенциальные возможности, заложенные в земледелии как отрасли общественно-го производства и еще далеко не истерпанные по сей день.

До сих пор мы рассматривали структуру производства в родовом обществе. Но, может быть, то, что верно для родового общества, не действительно для обществ, находившихся на более ранних ступенях исторического развития? Шагнем из неолита в ту далекую эпоху, когда еще не был завершен процесс антропогенеза, время существования древнейших

³⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. III, ч. I-я. М.-Л. 1951; G. F. Vicedom und H. Tischner. Die Mbowamb. T. I. Hamburg. 1943—1948, S. 184—190; M. J. Meggit. The Enga of New Guinea Highlands. «Oceania», T. 28, № 4, 1958, p. 302—318.

⁴⁰ Скот также имеет двойственное значение в хозяйстве человека: он может служить и средством производства (источник энергии, средство передвижения и перевозки грузов и т. п.) и источником предметов потребления (молоко, мясо, жир и т. д.). Сыграла ли эта экономическая особенность скота какую-либо роль в истории развития производства? Решение этого вопроса тесно связано с разработкой выдвинутой Ф. Энгельсом проблемы первого великого общественного разделения труда.

и древних гоминид, эпоху первобытного стада. Сравним для наглядности жизнедеятельность стада животных с жизнедеятельностью шельской орды:

Стадо животных	Шельская орда
Воспроизводство вида (размножение и выращивание потомства)	Воспроизводство рабочей силы (размножение и воспитание потомства)
Добыча средств существования	Изготовление орудий и средств труда Изготовление и добыча средств существования (при помощи орудий труда)

Нетрудно заметить, что изготовление орудий и средств труда, или, точнее, производство средств производства, и есть тот качественно новый род жизнедеятельности, который решающим образом отличает примитивные человеческие коллективы от любых даже самых развитых и совершенных животных сообществ; это тот рубеж, та грань, которая отделяет животное от человека. Поэтому и здесь нельзя смазывать коренного экономического различия между производством предметов потребления и производством средств производства. Производство предметов потребления становится производством лишь тогда, когда ему предшествует и его определяет производство средств производства.

Пренебрежение к наличию двух подразделений в общественном производстве с самого момента его возникновения сильнее всего сказалось во взглядах М. П. Жакова, гальванизированных в последнее время Б. Ф. Поршневым; имеются в виду их представления об инстинктивном, животном, дообщественном, аморфном (по Жакову), инстинктивном, животнобразном, первобытном (по Поршневу) труде⁴¹. Как и Д. Д. Тумаркин, М. П. Жаков и Б. Ф. Поршнев не замечают качественной разницы между трудом — добытием средств существования при помощи орудий труда и трудом по изготовлению орудий и средств труда. Как и Д. Д. Тумаркин, М. П. Жаков и Б. Ф. Поршнев оперируют в своих построениях «трудом вообще». Не удивительно, что с их точки зрения труд широко распространен и среди животных: последние так или иначе добывают средства к существованию, нередко используя при этом предметы из окружающего их материального мира. «Труд, — по мнению М. П. Жакова, — не составляет привилегии человека, но свойственен в определенных формах всем животным, в особенности же — высшим»⁴². «...Инстинктивный, животнобразный первобытный труд в принципе еще столь же отличен от социального, разумного труда архитектора, как и труд пчелы... труд носил сначала животнобразный инстинктивный характер, оставаясь долгое время не более, как предпосылкой, возможностью производства в собственном смысле...», — пишет Б. Ф. Поршнев⁴³.

⁴¹ См. М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества. Сборник «Из истории докапиталистических формаций». М.-Л. 1933, стр. 72—82; его же. К вопросу о генезисе человеческого общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 5, стр. 29—45; его же. Труд, техника и отношения производства возникающего общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 6, стр. 9—45; Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии». 1955, № 5, стр. 143—156, и др.

⁴² М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества, стр. 72.

⁴³ Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека, стр. 147, 148.

И для М. П. Жакова и для Б. Ф. Поршнева человеческое заключено не в труде, а в социальности, в общественности⁴⁴. Труд, с их точки зрения, есть всякая деятельность живого существа, вооруженного каким-либо материальным предметом, с помощью и посредством которого это живое существо воздействует на другой предмет внешнего мира. В результате подобной деятельности последний становится годным или доступным для потребления (или присвоения). Такие действия инстинктивны или рефлекторны у животных и сознательны и целенаправлены у человека. И если придерживаться приведенного выше определения труда, то действительно нельзя найти разницы между трудом неандертальцев и «трудом» бобров, пчел или муравьев.

Как нам кажется, классики марксизма смотрели на этот вопрос несколько иначе. «Труд,— писал Ф. Энгельс,— начинается с изготовления орудий»⁴⁵. «Употребление и создание средств труда,— указывал К. Маркс,— хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...»⁴⁶. Создание и изготовление средств труда и есть, по сути дела, то, что в политической экономии называется производством средств производства.

Таким образом, выделение и научное абстрагирование первого подразделения в производстве доклассового общества с начала его существования — это вопрос о человеческой истории и не только в социально-экономическом, но и в антропологическом смысле. Дело в том, что в процессе антропогенеза решающее влияние на его направление оказывает как раз та сфера первобытного производства, которая называется производством средств производства. Действительно, именно изготовление орудий труда стало тем совершенно новым комплексом, осуществление которого требовало от первых гоминид подлинно человеческих решений. Изготовление орудий труда вызвало изменение физического типа наших обезьяноподобных предков. Значение изготовления орудий труда в процессе антропогенеза не раз уже отмечалось в нашей литературе⁴⁷. Простое манипулирование предметами внешнего мира (палками, камнями и пр.), известное в мире антропидов⁴⁸, не породило существенных изменений в их физической организации. Только процесс изготовления орудий вызвал эволюцию руки, мозга и развитие речи, а значит, и всех речевых органов⁴⁹. Это и понятно. Человек унаследовал от животного мира тело, не приспособленное к общественному труду. Необходимо было перейти к новым условиям как раз потому, что в силу неприспособленности своего тела к труду люди не могли бы развивать производство, совершенствуя средства производства. Поэтому до известной степени справедливо утверждение, что развитие производства началось с развития главной производительной силы — самого человека. Но у человека на

⁴⁴ М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества, стр. 73; Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека, стр. 148.

⁴⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат. 1955, стр. 137.

⁴⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 186—187.

⁴⁷ См., например, Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии. «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. II. М. 1947; его же. Новые теории происхождения человека. М. 1948; его же. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М. 1949, и др.; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Сборник «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. XVI. М. 1951; А. П. Окладников. Становление человека и общества. Сборник «Проблемы развития в природе и обществе». М.-Л. 1958.

⁴⁸ Н. Ю. Войтонис. Предыстория интеллекта. М. 1949 (см. гл. III «Пользование предметами как «орудиями» у обезьян»).

⁴⁹ В. П. Якимов. Указ. соч., стр. 62, 63, 68 и сл.; В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. Сборник «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», стр. 281—284.

заре его существования не было иных средств развития производства, кроме естественных, животных средств. Механизм естественного отбора продолжал действовать на всем протяжении антропогенеза, правда, уже в преобразованном виде, подчиненный закону общественного производства: отбирались, сохранялись и передавались по наследству лишь те качества, которые были нужны человеку как носителю рабочей силы, как производителю средств труда. И когда физический тип человека оказался в лице «*Homo sapiens fossilis*» в полном соответствии с теми требованиями, которые предъявляло к производителю общественное производство и прежде всего производство средств производства, только тогда механизм естественного отбора перестал действовать. Теперь путем совершенствования орудий и средств труда, расширения производственного опыта и накопления производственных навыков, путем усложнения форм организации трудового процесса и разделения труда общественное производство могло развиваться иными, более совершенными и быстрыми способами.

В советской литературе подробно и убедительно аргументировано положение об охоте как важном факторе антропогенеза⁵⁰. Последние исследования Р. Дарта и Л. Лики⁵¹ в Африке делают такой взгляд на охоту еще более убедительным. Но резкая полемика со сторонниками «собирательской стадии» на заре человеческой истории в какой-то мере заслонила от ученых то, что решающим условием очеловечения всегда было производство средств производства. Так, в некоторых работах⁵² охота рассматривается, по существу, в качестве основного фактора становления и развития человеческого общества. Но может быть, так оно и было: изготовление орудий труда обуславливало направленные изменения физического типа человека, тогда как охота стимулировала развитие общества? Однако такая схема несовместима с представлением об общественной сущности производства. Скорее всего признание изготовления орудий труда главным фактором очеловечивания справедливо не только в отношении трансформации физического типа от «*Homo primigenius*» к «*Homo sapiens fossilis*», но и в отношении зарождения социальности, то есть генезиса самого человеческого общества. Социальность как совершенно новое, чисто человеческое качество рождалась именно в процессе изготовления человеком орудия, эффективное производительное потребление которого было возможно лишь при его совместной деятельности с другими членами человеческого стада. Эта качественно новая, основанная на чисто производственном принципе спайка формировалась прежде всего в сфере производства средств производства. Через отношение индивида к изготавливаемому им орудию как к орудию общественного, коллективного, производства только и было возможно проявление отношения к членам стада как к членам человеческого общества. Что же касается совместной, коллективной охоты, то она сама приобретала характер человеческой деятельности прежде всего благодаря тому, что охотники были вооружены уже изготовленными ими орудиями труда⁵³.

⁵⁰ Кроме вышеуказанных работ А. П. Окладникова, Я. Я. Рогинского и В. П. Якимова, см. также С. П. Толстов. Проблемы родового общества. «Советская этнография», 1931, № 3—4; П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М. 1957; С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Сборник «Проблемы истории первобытного общества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. LIV, и многие другие.

⁵¹ R. Dart. The osteodontokeratic culture of Australopithecus Prometheus. Pretoria. 1957; «The Newest Link in Human Evolution: The Discovery by L.S.B. Leakey of Zinjanthropus boisei». «Current Anthropology». Vol. 1, № 1, 1960.

⁵² Например, Н. А. Бутинов. Проблема экзогамии. Сборник «Родовое общество». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. XIV. М. 1951.

⁵³ Подробнее об этом см. Г. Ф. Хрустов. О возникновении материального производства. «Вопросы философии». 1960, № 3.

Изложенные выше соображения, как нам представляется, показывают, что ни теория бесструктурности первобытного производства, ни представление о дочеловеческом труде не укладываются в рамки марксистской теории производства. Недостаток этих взглядов заключается в недооценке социальной роли средств производства и прежде всего орудий производства.

В разрешении проблемы перехода от обезьяны к человеку концепция «дочеловеческого», или «животного», труда ведет к забвению основного критерия, позволяющего провести качественную грань между животным миром и человеческим обществом. Этим критерием, как известно, является «изготовление орудий производства», или, точнее, производство средств производства, в ходе которого и рождаются качественно новые общественные связи. Произведенные средства производства, в свою очередь, становятся важнейшим фактором социальной консолидации формирующегося человеческого общества. Отрицание этих важнейших выводов, вытекающих из марксистской теории происхождения человека и человеческого общества, служит, по нашему мнению, помехой для дальнейших исследований в области первобытной истории.

Представление о бесструктурности первобытного производства, об отсутствии в нем двух подразделений мешает также выявлению коренных, качественных различий между присваивающим и производящим типами хозяйства в первобытном обществе, различий, значимость которых не раз подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс (в частности, в советской литературе недостаточно еще освещен вопрос о существенных различиях между родом у охотников и собирателей и родом у земледельцев и скотоводов).

Невнимание к структуре первобытного производства со стороны части этнографов и историков сказывается в том, что они, порою следуя традиции, унаследованной от буржуазной этнографической науки, описывают материальную культуру (в том числе и некоторые средства производства) отдельно от хозяйства. В результате из поля зрения исследователя нередко выпадает или почти выпадает важнейшая сфера общественного производства — производство средств производства. Даже если отдельные стороны, некоторые производственные процессы этой сферы попадают в этнографическое описание, целостного представления о производстве средств производства не создается. А ведь именно это последнее определяет в конечном счете всю конкретно-историческую специфику исследуемого общества. Так, в частности, невнимание к структуре первобытного производства приводит к недооценке огромной прогрессивной роли земледелия в истории человеческой культуры и человеческого общества⁵⁴.

Успех дальнейших изысканий в области истории первобытного общества в значительной мере связан с необходимостью детального и всестороннего изучения специфики первобытного производства. Пришло время создать фундаментальный труд по истории первобытного производства, который обобщил бы накопленные наукой за последние десятилетия материалы и факты и явился бы достойным вкладом в марксистско-ленинскую разработку истории первобытного общества.

⁵⁴ В очень интересной, хотя и во многом спорной статье Ю. Ф. Новиков не без оснований называет переход к земледелию «великой экономической революцией, которая в течение одного-двух тысячелетий преобразовала лицо земли» (см. Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. «Советская археология». 1959. № 4, стр. 34).